

«Я туловищем и мордой не торгую...»

НЕ СТАЛО АЛЕКСЕЯ БАЛАБАНОВА, ПРО КОТОРОГО ЛУЧШИЕ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЕ УМЫ ГОВОРИЛИ: «ЛЕШКА — ЧИСТЫЙ ГЕНИЙ»

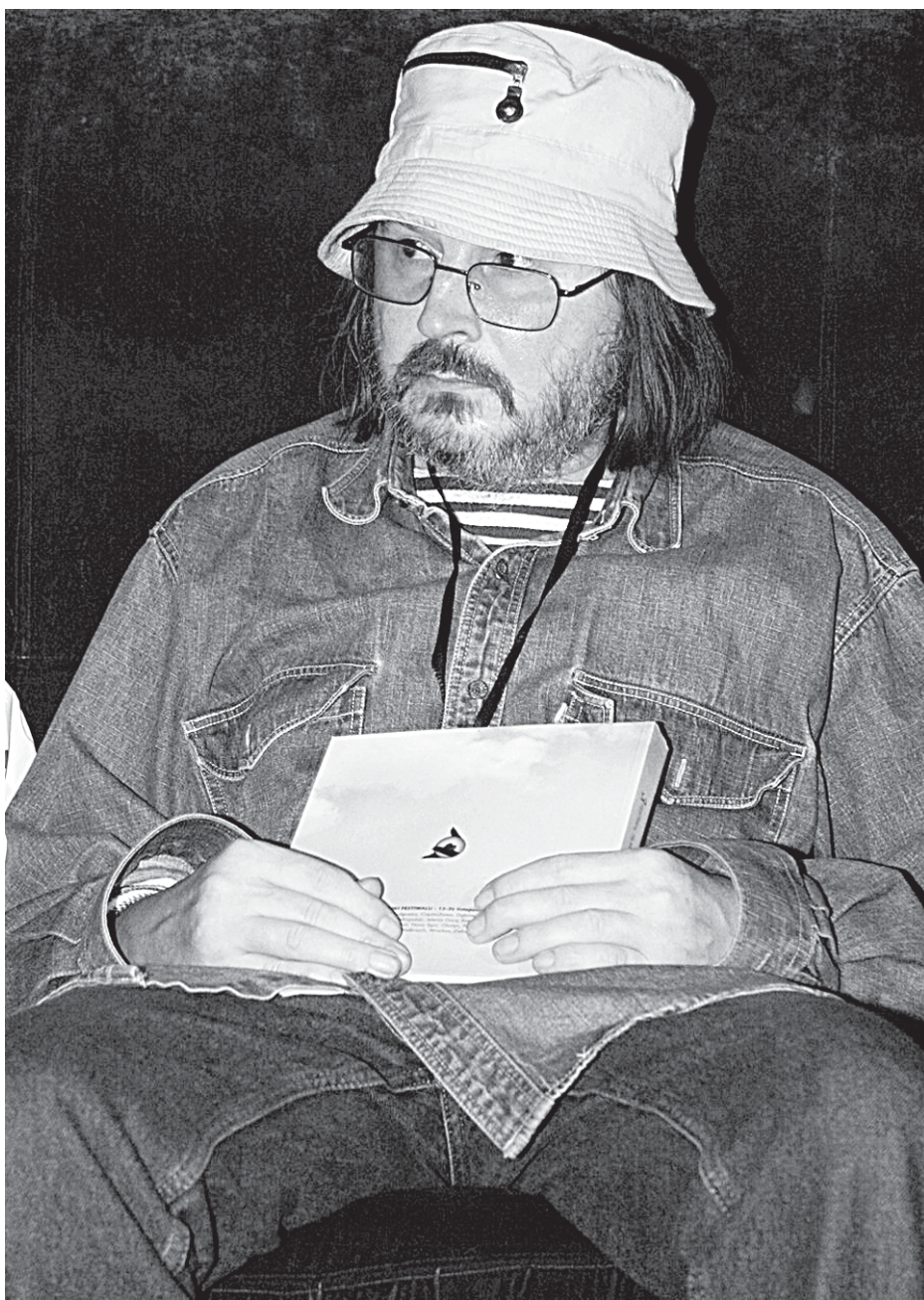
54 года для режиссера — золотой возраст. И хотя давно поговаривали, что Леша, Алексей Октябринович, болен, но сам он был настолько закрытым человеком, что даже друзья толком ничего не знали.

РАБОТАЛ он до последнего. За день до трагедии появился на петербургском фестивале «Виват кино России!», где в конкурсной программе показывали его картину «Я тоже хочу». Общался не только с коллегами, дал интервью моей знакомой журналистке, которая потом написала мне, мол, Балабанов, как всегда, немножко подшофе, но такой мудрый и классный... Затем уехал в Солнечное, где работал над новым сценарием (был ли этот фильм о молодости Сталина, о котором много писали, или что-то еще?), где и случилась беда. Пока даже близкие не спешат оглашать диагноз, и, наверное, правильно делают — сам Балабанов не любил никого пускать в свою частную жизнь. И вообще не любил и не умел давать интервью, чем резко отличался от большинства отечественных режиссеров, которые рассуждают о своих картинах намного интересней, чем снимают их. Балабанов же часто повторял: «Кино нужно смотреть, а не рассказывать о нем».

Он вообще отличался от кинематографической братии, и не только тем, что не снимал тельняшку даже на кинофестивалях, когда получал призы. Про Балабанова многие говорили: странный, с прибабахом и так далее. Но говорили с любовью. Сам он профессиональных актеров недолюбливал, говорил, что они фальшивые, а вот непрофессиональных ценил. Не только снимал, но и дружил с ними. При всей замкнутости Балабанова друзей у него хватало. И он любил пойти с ними в баню, посидеть, помолчать о главном, душевно выпить.

Фильмы балабановские — как на ладони. Все их знают, видели, даже те, кто не любит. Если кто что-то пропустил, сейчас самое время восполнить пробел, потому что в отсутствие Балабанова многие вещи кажутся пророческими, глубинными. Особенно картина 2012 года «Я тоже хочу» — притча (как говорил сам автор, фантастический реализм) о Колокольне счастья, куда берут не всех, а только самых чистых, честных, добрых. В фильме, кстати, Балабанов сыграл самого себя, режиссера, которого не взяли на Колокольню счастья. Это в кино. А в реальности, нет сомнений, теперь уж точно возьмут...

В течение последних семи лет я довольно часто пересекался с Алексеем, а в декабре он пригласил меня в свою квартиру на Васильевском. Дверь открыла тихая женщина, провела по коридорам в комнату, где Леша лежал на большой кровати в полкомнаты. Рядом стояла початая бутылка, из полуоткрытого окна дул резкий зимний ветер. Он так и отвечал на мои вопросы в течение полутора часов, не поднимаясь с кровати, не встретив и не проводив, при этом производя впечатление чудака, гения, не пришедшего в себя после возлияний, — кого угодно, только не

больного человека. Такой внутренней силы это был человек!

Вот лишь некоторые фрагменты из наших бесед, которые сегодня слушаешь совсем по-другому.

— В одном интервью вы сказали, что сами никогда не выясняли отношения с Богом...

— Не говорил такого. Я в Господа верю, я православный человек.

— Владимир Познер любит задавать вопрос из анкеты Марселя Пруста: **окажись перед Господом Богом, что вы ему скажете? Если бы Познер пригласил вас в свою телепрограмму, пошли бы и стали бы отвечать на вопрос Пруста?**

— Нет, не пошел бы. И отвечать бы не стал. Не люблю туловищем и мордой торговать. Меня Сельянов просит иногда (Сергей Сельянов — продюсер всех балабановских картин. — Прим. авт.), но на самом деле я этого не хочу.

— На питерской премьере фильма «Я тоже хочу» с вами был священник, бабюшка... Кто он?

— Это отец Рафаил из Великого Устюга. Снимался у меня в «Морфии». Он мой товарищ и просто приехал ко мне на премьеру. Жил у меня, оставался и тогда, когда я уезжал на московскую премьеру... Мы постоянно общаемся по телефону.

— А сами помогаете каким-то храмам?

— Я не люблю церковь. Это институт. Есть там хорошие люди, есть плохие. Я однажды Рождественский пост целиком выдержал и пошел в церковь. Хотел причаститься, исповедоваться. А священник мне сказал: «Пошел вон отсюда!»

— Что его смутило? Ваш внешний вид, ваша любимая тельняшка?

— Я не знаю. Надя, моя жена, потом пошла и спросила: «Почему вы его прогнали? Это Балабанов, кинорежиссер». Он ответил: «А я не знал, извините». Вот и всё.

— Ваши герои в картине «Я тоже хочу» бросают все дела и отправляются к Колокольне счастья, зная, что если их «не возьмут», тут же наступит смерть... Насколько ценно для вас са-

мого это близкое и далекое понятие «счастье»?

— Счастья все хотят. На самом деле счастье — это просто когда тебе хорошо. Вот я позавчера в бане был, и мне было хорошо. В той, где я снимал кино. Я хожу в эту баню, там люди хорошие, меня все знают, никого нет, пусто. Красота! Я один в огромной бане. Никто же сейчас в баню не ходит — я не знаю, почему.

— Вы сами тоже сыграли в этом фильме — роль режиссера. Он твердил: «Я тоже хочу», но его Колокольня счастья не взяла... Почему?

— Потому, что плохие фильмы снимал.

— Но вы же не себя конкретно имели в виду?

— Себя.

— Далеко не все фильмы Балабанова и Сельянова сразу принимались на «ура». По поводу «Брата» было столько споров, «Про уродов и людей» изначально вообще встретили в штыки...

— Мы с Сергеем иногда вспоминаем премьеру «Про уродов и людей» на «Кинотавре» в 1998 году. Кинофестиваль — не партийное собрание. Крутом коллеги, друзья, знакомые. Тогда не принято было закатывать фуршеты с купеческим размахом, а полагалось просто на пляже накрыть «полянку» на три столика: подходите, кому хочется, выпить и закусить... Мы свое кино, естественно, уже видели, поэтому, представив фильм перед началом сеанса, пошли на «полянку». Ждем, когда после фильма коллеги подтянутся, подойдут, что-то скажут, закусят, выпьют за премьеру. Когда все окончилось, смотрим — идут люди, но к нам не поворачивают. Сталкиваемся глазами — в них ужас, коллеги разбегаются. Тут Сельянов говорит: «Друзья, нам, похоже, не светит ничего. Если идти по аналогии с фильмом, нас считают, в общем, уродами». Сережа Маковецкий (исполнитель главной роли в этом фильме. — М. С.) тут же сидел, пытался с кем-то поговорить, но никто к нам не подошел. Никто! Беспрецедентный случай в истории «Кинотавра». Однако мы были счастливы и веселы. Мы-то знали, что фильм получился. Кстати, в итоге Александр Митта вручил мне спецприз со словами: «Вот это самый крутой режиссер!»

— Вы не раз говорили, что живете в весьма замкнутом мире...

— Действительно, человек я достаточно изолированный. На улицах меня не узнают, и это мне нравится. Когда все-таки узнают, то бывает неудобно. Я каждую неделю хожу в баню. И главная информация о жизни у меня от тех, с кем общаюсь. Это обыкновенная баня, но там есть комната «для крутых». Там парятся весьма авторитетные люди, что о жизни знают не понаслышке. Они знают, что я режиссер, видели мои картины. От них я могу узнать самую разную информацию. Сегодня они — бизнесмены, успешные люди, а в начале 90-х они прошли все то, что происходит с героями моего фильма «Жмурки».

— Относятся к вам с уважением?

— Да. Иногда такие вопросы задают: «Скажи, как депутатом стать?», как будто я не простой парень...